

УДК 34

DOI 10.36511/2078-5356-2021-1-270-284

Тихонова Светлана Сергеевна
Svetlana S. Tikhonova

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (603950, Нижний Новгород, просп. Гагарина, 23)

candidate of sciences (law), associate professor, associate professor of the department of criminal law and procedure, faculty of law

National research Lobachevsky State university of Nizhny Novgorod (23 Gagarina av., Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: sstikhonova@yandex.ru

**Юрико-технические инновации в современных
общетеоретических и отраслевых исследованиях: по материалам
XXII международного научно-практического форума «Юртехнетика»
на тему «Юридические инновации: доктрина, практика, техника»
(Нижний Новгород, 24–25 сентября 2020 года)**

**Legal and technical innovations in modern
general theoretical and industry research: based on the materials
of the XXII International Scientific and Practical Forum “Yurtechnetics”
on the topic “Legal innovations: Doctrine, practice, technology”
(Nizhny Novgorod, September 24–25, 2020)**

Международный научно-практический форум «Юртехнетика», ежегодно организуемый Нижегородской академией МВД России, является значимым межотраслевым мероприятием, посвященным конкретной актуальной юрико-технической и, одновременно, содержательной проблеме правового регулирования. В 2020 году специальной темой форума стали «юридические инновации». В рамках настоящей статьи представлен авторский обзор докладов участников форума, касающихся юрико-технической проблематики юридических инноваций. Первоначально опираясь на собственные воспоминания о прошедшем в очном формате мероприятии, автор смог освежить их, используя представленные участниками форума тексты, опубликованные в ежегоднике «Юридическая техника» № 15 за 2021 год, в связи с чем ссылается на конкретные страницы данного издания, которые должны послужить ориентиром для всех лиц, заинтересовавшихся проходившими на форуме дискуссиями.

Предваряя обращение к рассмотренной на форуме юрико-технической проблематике, необходимо остановиться на оценке участниками форума содержания понятий «инновация», «юридическая инновация» и собственно, «юрико-техническая инновация».

Так, в докладах Н.И. Биюшкиной (с. 129) и М.Г. Смирновой (с. 242) отмечалось, что термин инновация («нововведение, новшество»¹, «новообразование»²) впервые появился в XIX веке в научных исследованиях, посвященных вопросам экономической теории, и характеризовался целым спектром значений, в связи с чем В.М. Шафиров назвал инновацию «сложным и многоаспектным феноменом» (с. 294).

1 Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. С. 393.

2 Большой энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова. М.: Сов. энциклопедия, 1993. С. 493.

Определяя современные «атрибутивные признаки» инновации, П.И. Иванов и А.С. Шитов включили в их число «новый метод удовлетворения общественных потребностей», «конечный результат творческого процесса», «получение и использование новых знаний» и «достижение полезного социального эффекта» (с. 176). Схожим образом характеризуя юридическую инновацию, Е.Ю. Курышев определил ее, как «внедренное в правовую систему новшество, качественно улучшающее ее элементы», отвечающее «за развитие права» (с. 352) и направленное «на совершенствование права» (с. 357).

О том, что инновация – новшество, «внедренное в правовую систему», говорилось и в докладе М.Г. Смирновой, также отмечавшей, что юридическая инновация представляет собой «одно из проявлений динамической функции права, стремления права, как регулятора общественных отношений к развитию и совершенству» (с. 243). Г.М. Лановая же особо подчеркнула, что юридическая инновация – это «улучшение, причем не предполагаемое, а реальное, действительное, свершившееся» (с. 201), заключающееся в «материализации теоретической конструкции, правовой технологии и т. д.» (с. 202). В докладе Е.С. Зайцевой также отмечалось, что далеко не любое юридическое «новшество» можно признать инновационным: «основным показателем инновационности является его юридическая и социальная эффективность, предполагающая не только результативность, но и полезность новшества для развития общественных отношений» (с. 327). По мнению А.В. Парфенова, «юридические инновации выступают инструментом, который позволяет своевременно отвечать на возникающие вызовы, поддерживать и последовательно повышать эффективность правового регулирования» (с. 410). Аналогичным образом высказалась и Е.А. Петрова, указав, что юридическая инновация должна быть направлена «не просто на трансформацию тех или иных правовых явлений, но и, прежде всего, на повышение эффективности и результативности правового регулирования» (с. 412). Высокая степень полезности юридической инновации обозначалась и в докладах Н.А. Колоколова и С.Б. Полякова, указывающих на то, что применение инноваций должно привести к «существенному повышению эффективности» (с. 69) и «весьма радикальному улучшению» (с. 58) правового регулирования. Таким образом, в рамках обозначенного подхода статус юридической инновации присваивался «новшеству» лишь в случае, во-первых, его реализации на практике, а во-вторых, реализации, доказавшей свою эффективность (в высокой степени). Иными словами, на стадии проектирования «новшества» либо на стадии реализации «новшества», но в случае обнаружения его неэффективности (либо низкой эффективности) нельзя было вести речь о его инновационности.

Противоположную позицию озвучил на форуме В.М. Баранов, допустивший возможность признания в качестве юридической инновации юридического проекта, одновременно являющегося и «инновационным» и «неудачным» (с. 86), и отметившего, что «цена неудач некоторых инновационных юридических проектов может быть весьма значительной» (с. 93), однако «неудачи в выборе, разработке или реализации инновационного юридического проекта — элемент творческой свободы» (с. 87). При данном подходе статус инновации мог быть присвоен «новшеству» еще на стадии проектирования, инновационность же «новшества» определялась не полученным результатом, а особым целевым назначением, отмеченным в докладе В.И. Крусса: направленность «на преодоление (снятие) наиболее важных юридических противоречий» (с.33). Указанный подход прослеживался и в докладе В.В. Бушневой и А.П. Мазуренко, определивших инновацию, как «результат творческой деятельности, применение которого приводит к существенным изменениям в функционировании системы» (с. 211), без указания на обязательность высокой эффективности данного результата.

Выступая представителем межвузовской научной юридико-технической школы, созданной в Нижегородском регионе под руководством В.М. Баранова – президента Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника», автор настоящей статьи будет оперировать в представляемом ниже обзоре именно данным подходом к определению сущности юридической и, в частности, юридико-технической инновации, допуская отрицательное качество последней, вскрывшееся при ее внедрении в правовую систему.

Характеризуя собственно юридико-технические инновации, М.В. Баранова отнесла к ним «внешние (формальные) и внутренние (качественные) изменения технико-юридического инструментария, алгоритмов и специфики его использования» (с. 124), а Н.Р. Борисова и А.В. Скоробогатов – «конструирование новых средств и форм выражения и закрепления нормативных основ правового развития» (с. 558). В целях систематизации представленных на форуме взглядов

относительно направлений и характера инновационных изменений юрико-технического инструментария в различных отраслях отечественного права представляется целесообразным рассмотреть их ниже поэлементно.

Известно, что в зависимости от функционального назначения юрико-технический инструментарий может быть классифицирован по 6 группам – элементам законотворческой техники: (1) нормативно-структурный; (2) документально-технический (реквизитный); (3) языковой; (4) логический; (5) познавательный-юридический (содержательный) и (6) процедурный¹.

По словам Д.М. Степаненко, в процессе эволюционного развития «одни элементы соответствующей юридической техники призваны уступать место другим, обеспечивая в конечном итоге более полное и эффективное достижение цели инновационной функции государства» (с. 453). Однако представляется, что, говоря об «элементах», Д.М. Степаненко в действительности имел в виду конкретные юрико-технические инструменты – средства (приемы), методы (способы), требования, правила и принципы.

Рассматривая юрико-технический инструментарий поэлементно, необходимо различать следующие возможные направления его инновационного развития: создание новых инструментов; новое использование известных инструментов; новое содержание императивных инструментов.

Под созданием новых инструментов следует понимать разработку новых юрико-технических средств (приемов), относящихся к различным элементам законотворческой техники. При этом разработка может включать и «заимствование... юрико-технических средств, свойственных разным правовым традициям... различных правовых семей», о чем шла речь в докладе Е.А. Петровой (с. 414). В любом случае, по мнению Д.М. Степаненко, высказанному на форуме, «техничко-юридические правотворческие средства» должны «постоянно эволюционировать» (с. 453). Под новым использованием известных инструментов следует понимать разработку новых юрико-технических методов (способов) применения существующих юрико-технических средств (приемов), относящихся к различным элементам законотворческой техники. Юрико-технические инновации данного вида фактически получили в докладе П.И. Иванова и А.С. Шитова наименование «технологических» (с. 176). Под новым содержанием императивных инструментов следует понимать разработку новых юрико-технических требований, правил и принципов, относящихся к различным элементам законотворческой техники.

В круг рассмотренных на форуме юрико-технических инструментов, входящих в нормативно-структурный элемент законотворческой техники, оказались включены: юридические конструкции; юрико-технические методы (способы) структурирования статей и использования вспомогательных структурных единиц законодательного акта вне его системы рубрикации; прямой и отсылочный юрико-технические методы (способы) изложения нормативного материала; композиция законодательного акта и юрико-технические методы (способы) изложения в кодифицированных законодательных актах принципов права и мн. др.

Обращение участников форума к проблематике использования такого известного юрико-технического инструмента, как юридические конструкции, то есть схемы изложения правового материала, как определила их в своем докладе Е.В. Трапезникова (с. 711), или, выражаясь словами В.С. Плетникова, «то, как построен» нормативный материал или «в каком порядке, последовательности он должен быть представлен» (с. 425), не вызвало каких-либо предложений участников форума по разработке новых юрико-технических методов (способов) их применения. Напротив, в докладе А.В. Курсаева, сообщившего участникам форума о современной тенденции преваляирования в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) «казуистичного способа описания уголовно-правового запрета» и «чрезмерного дробления единых по своей природе составов преступлений» (с. 603), содержалось предложение к законодателю о возврате его к практике создания юридических конструкций конца XX века, исключавшей казуистику при конструировании составов преступлений в кодифицированном уголовном законе. Нельзя не отметить, что указанная А.В. Курсаевым тенденция получила негативную оценку еще в 2013 году на VIII Российском конгрессе уголовного права. Однако многолетнее отсутствие реакции законодателя на обоснованную критику научного сообщества заставляет ученых вновь и вновь озвучивать недостатки современного уголовно-правового регулирования.

1 См.: Тихомиров Ю.А. Законодательная техника как фактор эффективности законодательной и правоприменительной деятельности // Проблемы юридической техники: сборник статей / отв. ред. В.М. Баранов. Н. Новгород: Изд-во НЮИ МВД России, 2000. С. 39; Его же. Юридическая техника – инструмент правотворчества и правоприменения // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 12–13.

Характеризуя современные «существенные недостатки формы нормативных правовых актов», В.Б. Исаков обратил внимание участников форума на имеющийся в них «неоптимальный объем статей» (с. 111). Однако отсутствие конкретики в описании данного недостатка не позволяет оценить в должной степени позицию автора по данному вопросу. Так, не вполне понятно, идет ли речь о ненадлежащем, на взгляд В.Б. Исакова, количестве вспомогательных (второстепенных) рубрик в статьях законодательного акта (части, пункты и т. д.) либо о количестве слов в заключенном в статью нормативном предписании.

Количество вспомогательных (второстепенных) рубрик в статьях законодательного акта в настоящее время не ограничено каким-либо общим или специальным юридико-техническим требованием или правилом. В докладе В.И. Лафитского, обращавшегося к работам О. Хубера, была поддержана идея необходимости общего ограничения статьи (независимо от отраслевой принадлежности законодательного акта) тремя частями и тремя предложениями (с. 207–208). Назаренко Г.В. и Ситникова А.И., представившие в своем докладе результаты «законодательно-текстологического анализа» статей УК РФ, выступили на форуме с еще более категоричным предложением – признавать модель оптимальной только в случае, когда «одна статья, пункт, часть содержит одно предписание» (с. 540). Соответственно, ситуации, когда в УК РФ наблюдается «включение в один пункт, в одну часть или статью двух или более предписаний», рассматривать как «неоправданные отступления от оптимальной модели» (с. 541). Ввиду отсутствия какой-либо аргументации в пользу презентуемых В.И. Лафитским, Г.В. Назаренко и А.И. Ситниковой количественных ограничений с ними сложно согласиться. В то же время нельзя не отметить, что в уголовно-правовой науке известна позиция относительно целесообразности ограничения количества частей в статьях Особенной части кодифицированного уголовного закона тремя частями со следующим специфическим содержанием: часть 1 – диспозиция, описывающая основной состав преступления, и соответствующая ей обычная санкция; часть 2 – диспозиция, описывающая квалифицированный состав преступления, и соответствующая ей усиленная санкция; часть 3 – диспозиция, описывающая особо квалифицированный состав преступления, и соответствующая ей особо усиленная санкция¹. Но количество частей в статьях Общей части кодифицированного уголовного закона, имеющих совершенно иную структуру и содержание, в работах ученых, как правило, не ограничивается. Возможно, статьи с большим количеством частей обладают меньшей коммуникативной эффективностью, но все это следует доказывать и обсуждать, в том числе с учетом отраслевой специфики нормативного структурирования.

Что касается количества слов в заключенном в статью нормативно-правовом предписании, то речь идет о юридико-техническом требовании – запрете длиннот, отраженном в пункте 3.24 письма Министерства юстиции РФ от 23 февраля 2000 года № 1187-ЭР «Рекомендации по подготовке и оформлению федеральных законов»² (далее – Рекомендации 2000 г.), в соответствии с которым нормы закона должны формулироваться по возможности короткими фразами. Соответствующее юридико-техническое требование было озвучено на форуме в докладах Т.Е. Грязновой, обращавшейся к работам В.Н. Татищева (с. 150), В.И. Лафитского, обращавшегося к работам У. Дейла (с. 207–208), Д.М. Степаненко, цитировавшего работы Н.А. Лазаревой и В.А. Саляева (с. 457) и Г.В. Назаренко и А.И. Ситниковой, подчеркнувших, что «громоздкие предписания» вызывают затруднение правоприменителя (с. 540), и озвучивших стандартный способ их упразднения – «разукрупнение текста за счет его фрагментации и более тщательная литературная обработка» (с. 541).

Достаточное время участники форума уделили проблематике создания вспомогательных структурных единиц законодательного акта вне его системы рубрикации (или так называемых «нетипичных рубрик»), в частности, преамбулам и примечаниям.

Согласно пункту 2 письма Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 18 ноября 2003 года № вн2-18/490 «Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению

¹ См., напр.: Бокова И.Н. Юридическая техника в уголовном законодательстве (теоретико-прикладной анализ главы 22 УК РФ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 17; Борзенков Г.Н. Уголовно-правовые проблемы охраны имущества граждан от корыстных посягательств: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1991. С. 36; Козлов А.П. Механизм построения уголовно-правовых санкций: монография. Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1998. С. 219; Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности (теория и законодательная практика): монография. М., 2001. С. 282 и др.

² Законотворчество в Российской Федерации: научно-практическое и учебное пособие / отв. ред. А.С. Пиголкин. М.: Формула права, 2000. С. 564–583.

законопроектов»¹ (далее – Методические рекомендации 2003 г.) преамбула предваряет текст закона, но не является его обязательной частью. В пункте 3.20 Рекомендаций 2000 г. отмечается, что преамбула помещается в законодательный акт в случае, когда необходимо разъяснить цели и мотивы принятия закона, «понять социально-политическую и экономическую обстановку, в которой принимался закон, а также необходимость его издания». Положения данных документов общеизвестны. Таким образом, в настоящее время преамбула – юрико-техническое средство (прием), которое может быть использовано по усмотрению законодателя в указанных выше случаях. Выдвинув на форуме тезис о повышенной значимости преамбул, «в которых можно отражать и разъяснять смысл закона и его отдельных частей, которые будут содержать механизмы удовлетворения интересов человека, механизмы контроля и надзора за этим процессом и механизмы защиты и восстановления прав человека в этой части» (с. 144), Л.В. Голоскоков тем не менее не выступил с предложением о создании юрико-технического требования по введению преамбул во все законодательные акты, таким образом, сохранив status quo.

Доклад Г.В. Назаренко и А.И. Ситниковой о примечаниях носил сугубо отраслевой характер и касался УК РФ. Рассматривая примечания как юрико-технический прием создания вспомогательных структурных единиц законодательного акта вне его системы рубрикации, но «привязанных» к стандартным рубрикам законодательного акта, следует отметить, что в УК РФ примечания имеют определенную специфику, поскольку «привязаны» исключительно к статьям², отсюда и их наименование – «постатейные». По справедливому заключению Г.В. Назаренко и А.И. Ситниковой, примечания, во-первых, «облегчают восприятие и применение уголовно-правовых предписаний, так как содержат дополнительную информацию, которая служит уголовно-правовым ориентиром для правоприменителя» (с. 541), а во-вторых, «выступают в качестве действенного инструмента уголовной политики, поскольку существенно корректируют применение уголовно-правовых норм и влияют на реализацию уголовной политики в направлении, заданном законодателем» (с. 542). Представив авторскую классификацию примечаний по их функциональному назначению, Г.В. Назаренко и А.И. Ситникова воздержались от каких-либо инновационных предложений юрико-технического характера, касающихся использования рассматриваемого юрико-технического средства (приема), несмотря на их обсуждение в отечественной уголовно-правовой науке («привязка» примечаний к главам УК РФ, ликвидация дефинитивных примечаний и т. д.).

Т.Е. Грязнова призвала участников форума обратить внимание на такой юрико-технический инструмент, подробно рассмотренный еще в работах В.Н. Татищева, как альтернативные юрико-технические методы (способы) изложения нормативных правовых предписаний в законодательных актах – прямой и отсылочный (с. 150). В докладе Г.В. Назаренко и А.И. Ситниковой, поставивших акцент на такой разновидности отсылочного юрико-технического метода (способа), как бланкетный (опосредованно определяющий), образуемые при его применении нормативно-правовые предписания получили наименование «условно завершенных... в информационном отношении, так как они требуют обращения к другим нормативно-правовым актам» (с. 539), сама же «бланкетизация» была признана одним из эффективных способов «устранения избыточного многословия из... правовых предписаний» (с. 540–541).

К сожалению, обращение участников форума к проблематике использования отсылочного юрико-технического метода (способа) не завершилось предложением о разработке нового юрико-технического требования (правила) по оформлению правовых отсылок различного вида. В этой связи автору настоящей статьи хочется восполнить соответствующий пробел и предложить на обсуждение научной общественности перевод рекомендации, содержащейся в пункте 19 Методических рекомендаций 2003 г. из разряда юрико-технического метода (способа) в разряд юрико-технического требования (правила), то есть императивного норматива. В соответствии с пунктом 19 при необходимости в одном законодательном акте поставить ссылку на другой законодательный акт должны быть указаны в определенной последовательности его реквизиты: «вид законодательного акта, дата его подписания, регистрационный номер и наименование». Внедрение данного императивного норматива в законотворческую практику привело бы к постепенному исключению из законодательных актов неопределенных и относительно определенных отсылок с заменой их на абсолютно определенные, что, безусловно, облегчило бы деятельность правоприменителя.

1 Комментарий к Методическим рекомендациям по юрико-техническому оформлению законопроектов. М., 2005.

2 См. подробнее: Тихонова С.С. Компромисс с лицом, совершившим преступление: к вопросу об оптимизации законотворческой практики конструирования примечаний к статьям Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Юридическая техника. 2014. № 7. С. 307–315.

Рассматривая юридико-технический инструментарий, относящийся к нормативно-структурному элементу законотворческой техники, нельзя обойти вниманием проблематику композиции законодательного акта. В докладе Г.В. Назаренко и А.И. Ситниковой композицией фактически именовалось деление нормативного материала в законодательном акте на рубрики – «на части, пункты...» (с. 540–541). Однако формирование отраслевой системы рубрик является структурированием нормативного материала, композиция же есть логическая последовательность расположения данного материала в границах законодательного акта. Одним из вопросов композиции законодательных актов, заинтересовавших участников форума, стал вопрос о расположении в них так называемых системообразующих (системосохраняющих) нормативно-правовых предписаний, определяющих цели, задачи и принципы правового регулирования. В.М. Шафиров охарактеризовал данные предписания в качестве «нормативных обобщений – правил поведения, которые в сжатом, концентрированном виде выражают содержание права» (с. 295). В.И. Лафитский обратился к работам У. Дейла, рассуждавшего о необходимости определения «в самом начале текста закона, какие цели ставит закон» (с. 207–208). В.А. Илюхина призвала участников форума обратить внимание на «проблему формулирования и технического закрепления принципов права в законодательных актах» (с. 329), подробно рассматривая и оценивая в качестве инновационных примененные современным отечественным законодателем юридико-технические методы (способы) изложения принципов права в кодифицированных законодательных актах различной отраслевой принадлежности: в отдельной главе; в отдельной статье; с использованием перечней, оформленных в виде сплошного текста или с использованием абзацного отступа и знаковых символов; с использованием легальных дефиниций и т. д. (с. 332). Е.Ю. Курышев же обратился к содержательному аспекту принципов права, предложив рассматривать их «как общую меру инноваций в праве» (с. 357).

Переходя к оценке обсуждавшегося на форуме юридико-технического инструментария документально-технического (реквизитного) элемента законотворческой техники, необходимо еще раз отметить доклад Г.В. Назаренко и А.И. Ситниковой, значительная часть которого была посвящена такому юридико-техническому средству (приему), как заголовки основных рубрик. Используя в качестве примеров конкретные статьи УК РФ, авторы выступили с критикой соотношений объема заголовка и объема текста соответствующих статей, указывая, что «максимально допустимое соотношение должно равняться 1:7» (с. 540–541). Заявленное соотношение можно было бы рассматривать в качестве предложения о создании юридико-технического требования по формулировке заголовков основных рубрик законодательных актов, если бы не отсутствие каких бы то ни было объяснений по происхождению соответствующего цифрового показателя. Вызывает сомнения и отнесение авторами заголовков рубрик к числу «важнейших текстуальных признаков уголовного закона» (с. 538). Используя метод исключения, представим себе УК РФ без заголовков рубрик. Безусловно, пользование им будет существенно усложнено, однако утратит ли уголовный закон свой статус при отсутствии данной ненормативной составляющей? Конечно же нет, поэтому рассмотрение заголовков в качестве «признака закона» является некорректным. Некоторым преувеличением видится и придание авторами заголовкам основных рубрик статуса «важнейших системообразующих элементов закона», «важнейших структурных и смысловых доминант». Полностью соглашаясь с утверждениями Г.В. Назаренко и А.И. Ситниковой о том, что наименование структурных единиц законодательного акта (если брать все заголовки основных рубрик в совокупности) настолько информативно, что «позволяет правоприменителю в режиме быстрого доступа получить не только генерализованную информацию о структуре закона, но и системных связях институтов и предписаний, подлежащих применению с учетом этих связей», «дает исчерпывающее представление о его государственной и отраслевой принадлежности, а также кодифицированности», тем не менее следует признать за заголовками статус не более чем «полезного реквизита».

Обращаясь к содержанию проблематики, относящейся к языковому элементу законотворческой техники, необходимо отметить, что в круг рассмотренных на форуме юридико-технических инструментов, входящих в данный элемент, оказались включены: юридические термины; легальные дефиниции; оценочные (ситуативные) понятия; законодательный стиль и мн. др.

Обсуждение такого юридико-технического средства (приема), как юридические термины, не характеризовалось инновационными предложениями участников форума. Г.В. Назаренко и А.И. Ситникова назвали юридическую терминологию одним из «лексических пластов» законодательного текста (с. 538). Е.В. Трапезникова напомнила о проблемах формирования «правовых терминосистем – организованной совокупности слов или словосочетаний... являющихся точным обозначением

определенных понятий, используемых в языке юридической науки и ее отраслей» (с. 711), Д.М. Степаненко – о недопустимости «бессистемности» юридической терминологии (с. 453), Т.Е. Грязнова – о недопустимости «противоречивости» юридической терминологии, отмечаемой еще в работах В.Н. Татищева (с. 150), а Г.М. Лановая – о значимости юридико-технического требования однозначности (единства, моносемичности, тождественности) юридической терминологии (с. 201).

Значительно большее внимание участников форума было уделено такому юрико-техническому средству (приему), как легальные дефиниции. Характеризуя легальные дефиниции в целом, независимо от их отраслевой принадлежности, В.М. Шафиров отнес их в своем докладе к разновидностям «нормативного обобщения — правила поведения, которое в сжатом, концентрированном виде выражает содержание права» (с. 295). О.В. Кулик, обращаясь к конкретным отраслевым примерам, подчеркнул, что в настоящее время несомненный научно-практический интерес и отраслевую значимость представляет проект внесения в УК РФ понятия «уголовного проступка», инновационное содержание которого принципиально меняет теорию уголовной ответственности (с. 344).

Отмечая, что система нормативного правового акта базируется именно на «системе заложенных в него понятий... «сетка понятий» держит юридическое содержание», В.Б. Исаков обратился к опыту создания в 1999 году. Правовым управлением Аппарата Государственной Думы РФ совместно с фирмой «Гарант-Сервис» электронного Словаря законодательных дефиниций (первоначально насчитывавшего более 5 тыс. нормативных определений, выбранных из законодательных актов). Оценивая эффективность данного электронного издания, В.Б. Исаков подчеркнул, что оно позволило не просто «перейти в текст нормативного правового акта и просмотреть каждую дефиницию в контексте документа, в котором она находится, а стало быть, полнее уяснить смысл и содержание данной дефиниции» (с. 106), но и выявить многочисленные случаи отступления от закона тождества (полисемия, синонимия и др.) при употреблении юридической терминологии в законодательных актах (с. 104–105), таким образом, в определенной степени добиться «оптимизации языка законодательства» (с. 111). По завершении выступления докладчик предложил собравшимся задуматься о необходимости формирования современного Словаря законодательной лексики – своеобразной «электронной энциклопедии терминологии российского законодательства» (с. 108), не просто «терминологической коллекции, а лексикографической надстройки над постоянно пополняющимися полнотекстовыми базами данных законодательства» (с. 109). В отличие от Словаря законодательных дефиниций 1999 года, Словарь законодательной лексики, по мнению докладчика, должен включать: общую лексику (общеупотребимые в законодательстве слова); специальную лексику (терминологию различных предметных сфер человеческой деятельности – в объеме, необходимом для целей законодательства); общую юридическую лексику (общеправовые термины); специальную юридическую лексику (терминологию отраслей законодательства). Подобное не разовое, а системно дополняющееся издание должно иметь «официально-рекомендательный статус» и стать «полезным подспорьем при написании, толковании и переводе юридических текстов», а также использоваться в качестве информационно-поискового инструмента, для целей юридического образования и научных исследований». В этой связи В.Б. Исаков сформулировал перед участниками форума задачу «определить организацию, которой будет доверено вести официальную версию Словаря законодательной лексики», озвучив свое видение ответственного органа – Министерство юстиции РФ, Правовое управление Аппарата Государственной Думы РФ или Государственно-правовое управление Президента РФ (с. 109).

О строении легальных дефиниций на примерах законодательных определений, закрепленных в диспозициях статей Особенной части УК РФ, шла речь в докладе Г.В. Назаренко и А.И. Ситниковой (с. 540). Известно, что стандартная схема формулировки легальных дефиниций, построенных классическим (абстрактным) способом (с использованием логического правила «определение через ближайший род и видовое отличие»), выглядит следующим образом: дефиниендум (определяемое юридическое понятие, обозначаемое соответствующим юридическим термином) – логическая связка – дефиниенс (законодательное определение). В докладе Г.В. Назаренко и А.И. Ситниковой использовалась иная терминология: дефиниендум рассматривался как «тема», «предмет нормативного обобщения», «исходный текстуальный компонент уголовно-правовых предписаний»; логическая связка именовалась «ориентирующим элементом»; дефиниенс – «дескриптивным компонентом, который состоит из описательных признаков, представляющих собой коммент темы», содержащих «юридическую характеристику уголовно-правового

явления, которое позиционирует тема», набор которых «образует пропозицию». При этом, по мнению авторов, «набор и порядок описательных признаков в диспозиции... может быть различным». Подобное заявление Г.В. Назаренко и А.И. Ситниковой вызывает возражения. Еще в 2012 году на форуме, организованном на тему «Юридическая конструкция в правотворчестве, реализации, доктрине», М.В. Баранова озвучила потребность внедрения в законотворческую практику унифицированных требований относительно порядка расположения в отраслевых легальных дефинициях родовых и видовых признаков определяемого юридического понятия. Полностью разделяя мнение о том, что подобная унификация повысит коммуникативную эффективность легальных дефиниций, автор настоящей статьи также выступает противником свободы законодателя в расположении «описательных признаков» и сторонником введения в законодательную практику юридико-технического требования, закрепляющего стандартную схему формулировки родовидовых легальных дефиниций: дефиниендум – логическая связка – дефиниенс: родовой признак – видовой признак.

Вопрос о допустимом количестве дефиниций в отдельном законодательном акте был затронут на форуме В.И. Лафитским, излагавшим взгляды британского правоведа У. Дейла – сторонника отказа от стремления к конкретизации и включения в законодательные акты как можно меньшего числа определений (с. 207–208). Известно, что и в предыдущие годы на форуме обсуждалась проблематика оптимизации количества дефиниций в пределах одного документа. Сторонники ограничения законодательного дефинирования утверждали, что «стремление «задефинировать» любую терминологию ошибочно»¹ и «чрезмерное увлечение и пресыщение дефинициями законодательного массива может оказаться вредным»². Их противники, напротив, доказывали существование прямой зависимости между пробельностью дефинитивного регулирования и коррупциогенностью законодательного акта³. Принимая решение о присоединении к одной из заявленных позиций, следует помнить о юридико-техническом принципе количественного упрощения права – «экономичности», «экономии текста закона» или «лаконичности», как назвал его в своем докладе Д.М. Степаненко (с. 457). Данный принцип, сформулированный Р. Иерингом еще в XIX веке, требующий минимизации текста законодательного акта («чем меньше правового материала, тем легче им пользоваться»), не потерял актуальности и в XXI веке. Г.В. Назаренко и А.И. Ситникова справедливо подчеркнули в своем докладе, что «объемные и сверхобъемные тексты создают текстуальную избыточность» (с. 540–541). Вместе с тем, принцип количественного упрощения права не стоит абсолютизировать и, основываясь на нем, исключать легальное дефинирование. Необходимо искать «золотую середину». В этой связи представляется целесообразным ограничивать введение в законодательный акт легальных дефиниций случаями, когда отсутствие законодательного определения с неизбежностью повлечет проблемы правоприменения. Каким же именно образом сформулировать и где текстуально закрепить соответствующее юридико-техническое требование, избавляющее закон в том числе и от бессмысленного дефинирования (введения в законодательный акт определений общеупотребительных слов, не обладающих никакой юридической спецификой), – вопрос, остающийся для обсуждения.

В связи с вышеизложенным нельзя обойти вниманием и затронутую на форуме проблематику использования в законодательном тексте такого юридико-технического средства (приема), как оценочные (ситуативные) понятия.

В докладе Н.А. Никиташинной утверждалось, что «юриспруденция не терпит оценочных... категорий, однако периодически вынужденно использует их» (с. 390). Степень «вынужденности» и цель их использования законодателем обсуждалась на форуме и в предыдущие годы. По мнению одних

1 Власенко Н.А. Рецензия на книгу «Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы» // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 265.

2 Баранов В.М., Матюшкин Г.О., Пацуркинский Г.С. Многополярность и полифункциональность законодательной дефиниции // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: материалы Международного круглого стола, г. Черновцы, 21–23 сентября 2006 г. Н. Новгород: НИНПЦ «Юридическая техника», 2007. С. 16.

3 См.: Баранов В.М. Законодательная дефиниция как общеправовой феномен // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: материалы Международного круглого стола, г. Черновцы, 21–23 сентября 2006 г. Н. Новгород: НИНПЦ «Юридическая техника», 2007. С. 48; Тихомиров Ю.А. Обеспечение законности // Власть, закон, бизнес. 2005. № 168. С. 216.

участников обсуждения, введение оценочных (ситуативных) понятий в законодательные акты является «квалифицированным молчанием законодателя»¹, сознательно используемым средством обеспечения гибкости права², его способности охватить не только существующее на момент принятия закона разнообразие вариантов поведения людей, но и варианты поведения, которых еще не было в наличии. По мнению других, юрико-лингвистическая неопределенность нормативно-правовых предписаний, в правоинтерпретацию которых изначально закладывается зависимость от личной позиции (правосознания) субъекта правоприменения, является не чем иным, как «универсальным приемом, позволяющим превратить нормы позитивного права в инструменты реализации интересов властных правоприменителей»³. В поддержку данной позиции противником использования оценочных (ситуативных) понятий в Кодексе этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел (утв. приказом Министерства органов внутренних дел РФ от 26 июня 2020 г. № 460) выступила на форуме Н.Г. Русакова (с. 431). Так как же следует относиться к существованию оценочных (ситуативных) понятий в законодательных актах? Для ответа на данный вопрос нужно вспомнить слова В.М. Баранова: «именно с помощью эффективных технико-юридических средств можно обеспечить потребность страны в качественных нормативных правовых актах»⁴. Но является ли рассматриваемое общее языковое юрико-техническое средство эффективным? В соответствии с пунктом «в» статьи 4 Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденной постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 года № 96 (ред. от 18 июля 2015 г.), «категории оценочного характера» выступают «коррупциогенными факторами». В данном нормативном предписании фактически вводится косвенный запрет на использование в нормативных правовых актах соответствующего общего языкового юрико-технического средства (приема). Целесообразность данного запрета может обсуждаться в научных кругах, но вплоть до его отмены нарушение данного запрета должно рассматриваться в качестве юрико-технической ошибки, требующей исправления.

Обращаясь к характеристике стиля текста законодательных актов, Е.В. Трапезникова привлекла внимание участников форума к «типовым речевым оборотам, то есть определенным речевым формулам, которые помогают достигать формальную определенность» и «лингвистическим конструкциям – обобщенному синтаксически связанному сочетанию определенных слов – для обозначения способов языкового выражения диспозиции норм права в предложениях текстов законов» (с. 711). В отношении присутствия последних в законодательных текстах автор выступила с критикой, утверждая, что «законодатель часто использует лингвистические конструкции, которые не позволяют ясно понять: можно, нужно, нельзя совершать какие-то действия» (с. 712).

Продолжая характеристику стиля текста законодательных актов, Т.Е. Грязнова представила участникам форума выдержки из работ В.Н. Татищева, поставив акцент на так называемом «запрете иноязычных слов» (с. 150). Известно, что юрико-техническое требование приоритета национальной юридической терминологии, то есть использования государственного языка вместо иностранных слов, предполагает отказ не от всех иностранных слов, а отказ от их необоснованного использования, когда они имеют аналог в русском языке в виде краткой языковой конструкции⁵. Вместе с тем, О.Б. Купцова предложила участникам форума обсудить исключение из данного общего юрико-технического требования, обратив внимание на возможности использования такого «технико-юридического средства создания модельных норм», выполняющего «функции символизации и унификации» (с. 347), а также «универсализации правовых установлений» (с. 350), как латинская юридическая терминология и фразеология (с. 347). Подчеркивая в своем докладе, что язык права должен отражать историческое наследие и учитывать «реалии современности и потребности развития общества» (с. 346), в частности, «процессы унификации, глобализации

1 Баранов В.М. «Квалифицированное молчание законодателя» как общеправовой феномен (к вопросу о сущности и сфере функционирования пробелов в праве) // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 75.

2 Власенко Н.А. Язык права: монография. Иркутск: Восточно-Сиб. кн. изд-во, 1997. С. 163.

3 Денисов С.А. Типичные приемы законодательной техники, используемые в интересах групп управленцев // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: сборник статей. Т. 1/ отв. ред. В.М. Баранов. Н. Новгород: Изд-во НА МВД России, 2001. С. 256.

4 Баранов В. М. «Юридическая техника»: актуальное теоретико-прикладное и дидактическое издание // Юридическая техника. 2009. № 3. С. 560–567.

5 См.: Юридическая техника: курс лекций / под ред. В.М. Баранова, В.А. Толстика. М.: ДГСК МВД России, 2012. С. 130; Юридическая техника: учебное пособие / под ред. Т.Я. Хабриевой, Н.А. Власенко. М.: Эксмо, 2010. С. 97.

и цифровизации права» (с. 349), О.Б. Купцова на соответствующих примерах отстаивала «уместность и эффективность» использования латинской юридической терминологии и фразеологии «в ряде форм права для повышения уровня их качества» (с. 348), а также «уровня точности» (с. 350). Подобная постановка вопроса представляет значительный научно-практический интерес, при этом особого внимания требует позиция автора об использовании латинской юридической терминологии и фразеологии не при создании нормативных предписаний в законодательных актах, а «в актах официального толкования для внесения большей определенности в интерпретируемые положения» в тех случаях, когда речь идет о правоинтерпретации международно-правовых документов (с. 349).

Нельзя не отметить, что, определяя состав юридико-технических требований, предъявляемых к законодательному стилю, участники форума нередко вступали между собой в заочную дискуссию, занимая противоположные позиции. Так, в докладе Т.Е. Грязновой, опирающейся на работы Г.Ф. Шершеневича, утверждалось, что «законы должны быть по возможности изложены общедоступным языком, без специальной терминологии и без чрезмерных обобщений, доступных только получившему специальную подготовку» (с. 150–151). В докладе же И.В. Понкина, признающего «высокую степень запроса в обществе на упрощение законодательства» (с. 235), но опиравшегося на работы Т. Соузы и П. Эндрюса, напротив, указывалось, что закон «составлен... не для удобства читаемости или доступности» (с. 233). Проблема обеспечения «доступности правового текста», то есть понимаемости права как условия его исполнимости, неоднократно поднималась на форуме и в предыдущие годы. Так, по результатам форума 2013 года автором настоящей статьи был опубликован доклад о пределах демократизации языка законодательного текста – допустимой степени его упрощения в целях обеспечения легкости восприятия нормативно-правовых предписаний большинством населения Российской Федерации¹. Позиция, сформировавшаяся к тому времени, не претерпела изменений и по сей день: законодательный текст не должен упрощаться. Именно текст, насыщенный специальной терминологией, обладает способностью, во-первых, вызывать уважительное к себе отношение (чего невозможно добиться посредством насыщения текста выражениями, использующимися в повседневной, обыденной жизни), а во-вторых, стимулировать население к повышению уровня собственной правовой культуры за счет формирования у него потребности в уяснении данной терминологии.

Определяя состав современных языковых юридико-технических требований, Н.А. Власенко (с. 51), Т.Е. Грязнова (с. 149–150), В.И. Лафитский (с. 207–208) и Д.М. Степаненко (с. 453–454) особо выделили требования ясности и точности (четкости) законодательного текста, подчеркнув, что данные требования давно и прочно вошли в юридическую науку. В подтверждение докладчики назвали выдающихся отечественных теоретиков, предметом исследования для которых являлись языковые формы выражения права (С.Е. Десницкий, А.С. Пиголкин, И.Т. Посошков, В.Н. Татищев, А.А. Ушаков и мн. др.). Оценивая вклад юридической науки в развитие языка законодательных актов, Г.М. Лановая подчеркнула в своем докладе ее «постоянное осязаемое влияние» (с. 203), а С.В. Кодан рассмотрел «группы методологических подходов в исследовательских практиках юриспруденции», в частности, «лингвистический, текстологический и терминологический подходы, которые ориентируют исследователя на учет процессов развития языка... текстуальной передачи информации и использования терминов и понятий» (с. 189). Разделяя мнение М.А. Кожевиной о том, что «инновационность и традиционность – два неотъемлемых свойства отечественной юридической науки», которые «обеспечивают ей устойчивое прогрессивное развитие сегодня и в будущем» (с. 198), Н.А. Власенко выступил с резкой критикой в адрес ряда современных ученых, пытающихся обновить терминологический аппарат юридической науки за счет введения в него синонимичных авторских терминов – «дублеров» (с. 51) для формулировки юридико-технических требований (правил) и создания, таким образом, юридико-технических псевдоинноваций. В качестве иллюстрации «засорения научного лексикона в юриспруденции» Н.А. Власенко был приведен пример с предлагаемым в кандидатской диссертации И.В. Тарасевича терминологическим сочетанием «адекватность языка закона» (с. 52). В.М. Баранов же призвал участников форума критически осмыслить и такую негативную тенденцию, наблюдающуюся в юридической науке, как «выдумывание псевдоновых дефиниций с предложениями закрепить их в законодательстве». Оценивая данную тенденцию в качестве «проявления низкого профессионализма либо научной

¹ Тихонова С.С. Пределы демократизации языка уголовного закона // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 443–448.

недобросовестности», В.М. Баранов включил в число причин, ее порождающих, «погоню за цифрами публикационной активности» (с. 92).

Обращаясь к обсуждавшемуся на форуме юрико-техническому инструментарию познавательно-юридического (содержательного) элемента законотворческой техники, следует пояснить, что данный элемент представляет собой совокупность юрико-технических инструментов создания законодательной модели правового регулирования общественных отношений (идея – концепция – законопроект).

Характеризуя принципы законотворчества, позволяющие создать соответствующую модель, О.В. Кулик назвал в их числе принципы законности, гуманизма, профессионализма, научности, демократичности, гласности, технического совершенства и инновационности (с. 343). При этом в принцип инновационности законотворчества О.В. Кулик предложил включить следующие составляющие: (1) «привнесение в нормативный массив нововведений, позволяющих оптимизировать и стимулировать развитие правовой системы», (2) «ориентация права на достижения научно-технического прогресса, определяющие состояние общественных отношений», (3) «использование субъектами правотворчества современных технических средств и технологий» (с. 345).

Обращая внимание на первую составляющую принципа инновационности законотворчества, А.В. Курсаев (с. 600) подчеркнул, что конечной целью законотворчества является «эффективное регулирование общественных отношений в интересах личности, общества и государства» (с. 600), а В.М. Баранов отметил, что «субъекты права законодательной инициативы призваны быть подлинными инновационными лидерами», не предлагающими «бессодержательные популистские законопроекты» (с. 94). Поддерживая данную позицию, В.И. Крусс с известной долей сарказма констатировал, что «формально на статус инновационного продукта в России может претендовать любой федеральный закон, тем более – под титулом «О внесении изменений и дополнений...», однако по большей части данные законы носят «ремонтно-восстановительный характер» и количество их «все более удручает» (с. 36). Так, по сообщению И.В. Малышевой, «более 80% всех принимаемых федеральных законов – это законы о внесении изменений в уже действующие законы» (с. 368). Безусловно, прав С.И. Князькин, говоря, что законотворчество призвано актуализировать законодательство «сообразно изменившимся общественными отношениям» (с. 592). Но следует помнить и о том, что люди, как выразились С.И. Захарцев и В.П. Сальников, «уже не могут «переварить» имеющийся правовой массив» (с. 173). В этой связи нельзя не отметить позицию В.В. Трофимова (с. 255) о необходимости «принципиально изменить подход к организации законотворчества, отказаться от практики, ориентированной на принятие отдельных законов, и перейти к методологии формирования системы законодательства» (с. 255). Со специальным предложением в адрес законодателя выступили Г.В. Назаренко и А.И. Ситникова: «текущие изменения уголовного законодательства... вносить единым пакетом один раз в год, а не десятки раз, как это практикуется с 2009 года, и только после согласования с заинтересованными государственными органами» (с. 538).

При обсуждении принципа научности законотворчества А.В. Парфенов отметил, что «достижения юридической науки служат источником целого ряда идей для субъектов правотворчества» (с. 410). В этой связи одним из поставленных перед участниками форума вопросов, значимых для представителей всех отраслей отечественного права, стал вопрос В.М. Баранова об отсутствии официальной систематизации законодательных идей и концепций, обосновывающихся в диссертациях, монографиях и статьях, фактически не попадающих «в сокровищницу юридических знаний, постепенно исчезающих, оказывающихся в забвении» (с. 92).

Что касается принципа профессионализма законотворчества, то в докладе В.И. Червонюка были высказаны обоснованные сомнения относительно его реализации в современной отечественной законотворческой практике (с. 276). Критический настрой наблюдался и в докладе К.Р. Мурсалимова, отметившего, что «органы государственной власти, обладающие правом законодательной инициативы, в ходе разработки проекта федерального закона ориентируются в большей степени на сиюминутные практические потребности» (с. 385).

В этой связи нельзя не отметить доклад Т.Е. Грязновой, процитировавшей слова В.Н. Татищева о том, что законодательство «должно быть вверено людям, в законах искусным и отечеству беспристрастно верным» (с. 150), и обращавшейся к работам Ф.Ф. Кокошкина, Н.М. Коркунова, Б.Н. Чичерина, Г.Ф. Шершеневича и других, писавших о необходимости предупреждения опрометчивых решений законодателя. На этом фоне особо остро встала озвученная В.М. Барановым проблема официального признания «практической вредности реализации законов, инициированных

Президентом России, Правительством страны, правящей партией в парламенте...». Как справедливо отметил автор, опасность не критичного отношения к данным субъектам права законодательной инициативы, добившимся внедрения в законодательство юридических проектов, оказавшихся «неудачными», заключается в том, что данные проекты впоследствии «нередко активно заимствуются, тиражируются, постоянно воспроизводятся» (с. 89). Сказанное в полной мере относится и к «неудачным» примененным в законодательстве юридико-техническим инструментам. Однако, как верно отметила в своем докладе М.Л. Давыдова, «любые неудачи регулятивной политики снижают авторитет законодателя и уровень доверия к нему со стороны общества, что в конечном итоге осложняет реализацию будущих регулятивных решений» (с. 161). Не случайно, задавая тон научной дискуссии, в целях профилактики «вредоносного законотворчества» В.М. Баранов сформулировал перед участниками форума задачу «создания специализированного банка инновационных юридических неудач» (с. 90), а О.А. Корелов и О.Л. Морозов – разработки «механизма мониторинга реальности, в частности, эффективности вносимых в нее... изменений» (с. 336).

В качестве одного из средств профилактики правотворческих ошибок участники форума назвали осуществление субъектами права законодательной инициативы юридического прогнозирования при выдвижении идеи – разработке концепции – оформлении первичного текста законопроекта. По мнению Е.С. Зайцевой, «прогнозирование можно рассматривать как научно-теоретическую апробацию инноваций в праве, позволяющую просчитать перспективы действия нововведений, оценить их потенциальную эффективность, на ранних этапах процесса правотворчества отличить инновации от контринноваций» (с. 327). Необходимость прогнозирования позитивных и отрицательных последствий, к которым может привести реализация законопроекта, отмечалась и в докладе А.В. Курсаева (с. 602). В докладе В.И. Червонюка прозвучало требование еще на стадии проектирования «юридически обязывать инициатора законопроекта оценивать возможные последствия действия принятого закона, предвосхищая тем самым оценку его регулирующего воздействия в будущем» (с. 283). Однако в настоящее время такое юридическое обязывание уже существует на федеральном уровне. Так, согласно пункту 3 постановления Правительства РФ от 2 августа 2001 года № 576 «Об утверждении Основных требований к Концепции и разработке проектов федеральных законов»¹ (в ред. от 13 марта 2015 г.) (далее – Основные требования 2001 г.) в пояснительной записке к законопроекту необходимо представить расчет его социально-экономических и иных последствий. Несмотря на данную обязанность, реального расчета как объема, так и ожидаемых сроков наступления соответствующих последствий в пояснительных записках к законопроектам фактически нет. И причина совсем не в отсутствии «в юриспруденции на сегодняшний день инструментов и методов... прогнозирования результатов действия конкретного закона», как отметил в своем докладе на форуме Л.В. Голоскоков (с. 144). Права Е.С. Зайцева, указывая, что «современные технологии позволяют проводить прогнозирование при помощи специальных компьютерных программ, использовать моделирование, привлекать для составления прогнозов гораздо больший, чем прежде, и даже практически неограниченный объем данных» (с. 328). Безусловно, «правовое прогнозирование – это очень затратная процедура, требующая значительных временных, человеческих, материальных и иных ресурсов»². Но причина отсутствия правового прогнозирования даже не в желании «сэкономить» на прогнозировании³. Причина – в простом игнорировании требования о расчете последствий реализации законопроекта со стороны субъекта права законодательной инициативы и субъекта оценивания качества пояснительных записок к законопроектам, то есть профильных комитетов Государственной Думы Федерального Собрания РФ. Так, согласно части 2 статьи 107 постановления Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 22 января 1998 года № 2134-II «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (в ред. от 15 декабря 2020 г.) (далее – Регламент ГД) именно профильные комитеты определяют соответствие поступивших в Государственную Думу Федерального Собрания РФ законопроектов требованиям статьи 105 Регламента ГД, в которой

1 См.: Собрание законодательства РФ. 2001. № 32. Ст. 3335.

2 Пашенцев Д.А., Залоило М.В. Воздействие современных цифровых технологий на содержание и характер правотворческой деятельности: теоретико-правовой аспект // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4. С. 234.

3 Радченко В.И., Иванюк О.А., Плюгина И.В., Цирин А.М., Чернобель Г.Т. Практические аспекты прогнозирования законодательства и эффективности применения прогнозируемых норм // Журнал российского права. 2008. № 8. С. 5.

дается перечень всех обязательных сопроводительных документов к законопроекту, включающий пояснительную записку, и оговаривается форма их предоставления. В соответствии с частью 3¹ статьи 107 Регламента ГД профильные комитеты наделены правом принятия решения о возвращении законопроекта субъекту права законодательной инициативы для выполнения требований статьи 105 Регламента ГД либо о переадресации решения о «судьбе» законопроекта Совету Государственной Думы РФ. Соответствующий законопроект считается не внесенным, что не лишает субъекта права законодательной инициативы повторно реализовать данное право, устранив неполноту материалов, прилагаемых к законопроекту. Таким образом, косвенно Регламент ГД предусматривает возможность исправления ситуации с отсутствием правового прогнозирования на стадии проектирования законопроектов федерального уровня, однако традиция использования данной юридической возможности отсутствует. Указанное является основанием для постановки вопроса о необходимости добиваться конкретизации в Регламенте ГД как требований к содержанию пояснительной записки к законопроекту, так и санкций за их несоблюдение. При этом предварительно представителям научной общественности следует разработать систематизированный комплекс соответствующих межотраслевых и отраслевых требований.

О том, что в настоящее время «авторы законопроектов упускают из сферы своего внимания такую важную составную часть современного законотворческого процесса, как обоснование законодательных изменений, отраженное в пояснительной записке к проекту федерального закона», подробно говорил в своем докладе А.В. Курсаев (с. 605). Однако авторы законопроектов упускают не только это. Вопреки пункту 3 Основных требований 2001 г., указывающему на необходимость изложения в концепции «общей характеристики и оценки состояния правового регулирования общественных отношений, анализа российской правоприменительной практики», соответствующие данные в ней, как правило, не приводятся. Но, например, для уголовно-правовой сферы крайне важно, как справедливо отмечает А.В. Курсаев, учитывать распространенность деяний определенного вида и т. д. (с. 602). По всей видимости, уже после «общей характеристики и оценки состояния правового регулирования общественных отношений, анализа российской правоприменительной практики» в концепции законопроекта, отражаемой в пояснительной записке, должны быть указаны рациональные и наиболее эффективные способы устранения недостатков правового регулирования, как этого требует пункт 3 Основных требований 2001 г. Рациональность и эффективность, как представляется, должны подтверждаться комплексом доказательств. Выделяемые А.В. Курсаевым применительно к уголовно-правовой сфере данные о «реальной фактической возможности выявления и расследования» и т. д. (с. 602) можно отнести к организационным доказательствам, подтверждающим, что проектируемые нормативно-правовые предписания соответствуют организационным возможностям их реализации.

Но нужно ли приводить еще и сравнительные доказательства?

Согласно пункту 3 Основных требований 2001 г. концепция законопроекта должна содержать анализ зарубежной правоприменительной практики – позитивного опыта зарубежных государств. Поддерживая данное требование, В.И. Лафитский выступил сторонником обязательного проведения сравнительно-правовой экспертизы законопроектов (с. 206–207), указывая, что «краткие обзоры зарубежного законодательства и практики его применения... позволяют более углубленно оценивать степень проработанности законопроектов, перспективы их применения, выявлять возможные правовые риски» (с. 205). Однако данное утверждение вызывает определенные сомнения, во всяком случае, применительно к уголовно-правовой сфере. Очевидно, что для реальной оценки опыта зарубежных государств, например, по борьбе с преступностью определенного вида, необходимо провести оценку текста иностранного уголовного закона, относящихся к нему актов официального и доктринального толкования, судебно-следственной практики его применения за относительно продолжительный период (чтобы отследить динамику). При этом нужно учитывать многочисленные национальные особенности, влияющие на процессы правоприменения, в том числе правовую ментальность, чтобы понять, возможно ли использование соответствующего позитивного опыта в России. Вряд ли упомянутые В.И. Лафитским «краткие обзоры зарубежного законодательства и практики его применения» способны отразить все перечисленные параметры. Специфика же российского культурологического типа личности (преступников, потерпевших, правоприменителей и т. д.) и специфика условий осуществления правоприменительной деятельности (протяженность территорий, неоднородность территорий по географическому и этнографическому составу, неоднородность технического оснащения правоприменительных органов и т. д.)

порождают дополнительную сложность юридического прогнозирования. Не отрицая допустимости рецепции права, выступающей, по словам Е.Ю. Курнышева, «в качестве самостоятельной формы инновации в праве», цель которой – «творческое изменение и дополнение правовыми элементами зарубежного права внутреннего содержания права и отдельных частей правовой системы страны-реципиента» (с. 354), а по мнению В.И. Лафитского – создание «новых образцов правового регулирования» (с. 206), необходимо серьезно относиться к прогнозированию эффекта от такой рецепции. В этой связи сравнительно-правовые обзоры должны представлять собой серьезный аналитический труд. Возможно, в сфере законотворчества изначально имеет смысл ограничить круг государств, чей опыт борьбы с преступностью представляет реальный (не познавательный) интерес для России, только государствами, о которых в докладах Е.Ю. Курнышева и В.И. Лафитского говорилось как о государствах, «объединенных общностью правовых традиций» (с. 207), «социально-экономические условия которых сходны» (с. 354).

Что касается сравнительно-правовых вкраплений, наблюдающихся в пояснительных записках к законопроектам в уголовно-правовой сфере, то подобную практику подачи «результатов сравнительно-правовых исследований» с бессистемной выборкой иностранных государств следует признать порочной. Так, например, Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», впоследствии воплотившемуся в Федеральный закон от 28 июля 2012 года № 141-ФЗ, вернувший в УК РФ уголовную ответственность за клевету, содержит следующие обрывки информации: «В американском праве клевета делится на письменную и устную. Уголовный кодекс Франции содержит ряд статей, предусматривающих ответственность за клеветнический донос, а уголовное законодательство Китая содержит единую уголовную ответственность за фальсификацию фактов, оговор и клевету в отношении третьих лиц...». Так и хочется задать вопрос: ну и что? Безусловно, упоминая «краткие обзоры», В.И. Лафитский не имел в виду подобное безобразие. Тем не менее не следует преувеличивать роль сравнительно-правовых исследований в создании качественного механизма правового регулирования. Во всяком случае утверждение В.И. Лафитского о низкой эффективности российского законодательства в решении экономических, социальных, демографических проблем именно в связи с недостаточным внедрением сравнительно-правовых исследований в законотворческую практику представляется именно такого рода преувеличением.

Помня о том, что наряду с пояснительной запиской в число обязательных сопроводительных документов к законопроекту в соответствии с частью 1 статьи 105 Регламента ГД входит финансово-экономическое обоснование, участники форума обсудили и практику составления документов данного вида. Так, в докладе А.В. Курсаева прозвучала критика в адрес субъектов права законодательной инициативы, не учитывающих при разработке законопроектов «финансово-экономические возможности государства» (с. 605).

Несмотря на общий критический настрой участников форума в части оценки законопроектной деятельности субъектов права законодательной инициативы, остается надежда на то, что систематические обращения научной общественности в адрес данных субъектов с требованиями упорядочить деятельность по созданию законодательных моделей правового регулирования общественных отношений (идея – концепция – законопроект) с течением времени приведут к положительному результату. Пока же ученые вынуждены продумывать механизм «реальной дифференцированной юридической и нравственной ответственности за правотворческие ошибки» со стороны субъектов права законодательной инициативы, о необходимости создания которого говорил на форуме В.М. Баранов (с. 93).

Обращаясь к проблематике юридико-технических инноваций в юридико-техническом инструментарии процедурного элемента законотворческой техники, в первую очередь, следует отметить, что в него включаются специфические организационно-процедурные юридико-технические инструменты, обеспечивающие прохождение стадий законодательного процесса: обсуждения законопроекта; принятия законодательного акта; регистрации законодательного акта; опубликования законодательного акта (с учетом требований «языка», «источника» и «срока»). Однако далеко не все специалисты считают возможным рассматривать соответствующие инструменты в рамках законодательной техники¹. На форуме противником включения в содержание законотворческой

¹ См., напр.: Кругликов Л.Л. О средствах законодательной техники в уголовном праве // Проблемы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. Ярославль, 1996. С. 4; Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. С. 12–14.

техники «всего объема законодательных действий и процедур» выступил В.И. Червонюк (с. 276). Тем не менее в рамках настоящей статьи представляется целесообразным кратко отразить содержание докладов, непосредственно затрагивающих проблематику юридических инноваций в законодательном процессе.

Так, В.Б. Исаков указал, что управление потоком законодательных инициатив существенно улучшилось с 2001 года, когда каждому законопроекту в момент его внесения в Государственную Думу РФ стало присваиваться цифровое имя – постоянный номер, сопровождающий законопроект весь период рассмотрения в Государственной Думе РФ, в Совете Федерации РФ и в Администрации Президента РФ (с. 103). В настоящее же время, на взгляд докладчика, нуждается в «перестройке» так называемое процедурное юрико-техническое правило источника – существующий порядок официального опубликования нормативных правовых актов. Предложив участникам форума развернутую аргументацию собственной позиции, В.Б. Исаков указал на необходимость дополнения Федерального закона от 14 июня 1994 года № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» положением о приоритете официального электронного опубликования «и подчиненном характере опубликования на бумаге», по примеру Республики Беларусь (с. 110). Выполняя задачу постановки перед участниками форума проблемы влияния «перехода к электронной форме официальной и деловой коммуникации» на «техничко-юридическую форму нормативных правовых актов», В.Б. Исаков отметил, что в ближайшее же время «должна быть отработана юридическая техника электронных нормативных правовых актов и создана современная «электронная юридическая инфраструктура», которая позволит нормативным правовым актам успешно функционировать в электронной среде» (с. 110).

Продолжив обсуждение процедурного юрико-технического правила источника, О.В. Кулик положительно оценил отнесение к числу источников опубликования нормативных правовых актов в России интернет-сайта pravo.gov.ru (с. 344). Т.Е. Грязнова представила историю развития юрико-технических процедур опубликования и вступления нормативных правовых актов в силу, отраженную в работах Н.М. Коркунова, Н.И. Лазаревского, Б.Н. Чичерина и Г.Ф. Шершеневича (с. 150). Подчеркивая зависимость данных процедур от достижений научно-технического прогресса, докладчик также поддержала идею необходимости трансформации процедурного юрико-технического правила источника в XXI веке с учетом цифровых технологий. Что касается О.А. Корелова и О.Л. Морозова, то авторы пришли к выводу о необходимости «автоматизации процесса законотворчества... на всех его этапах» (с. 337).

К сожалению, инструментарий законотворческой техники не получил к настоящему времени должного нормативного закрепления в Российской Федерации на федеральном уровне. Принятый 11 ноября 1996 года в первом чтении Проект федерального закона № 96700088-2 «О нормативных правовых актах Российской Федерации» был отправлен на доработку. При рассмотрении во втором чтении 27 апреля 2004 года данный законопроект был отклонен Государственной Думой Федерального Собрания РФ и снят с дальнейшего рассмотрения. О необходимости доработки и принятия данного закона подробно говорил на форуме А.В. Червяковский, опираясь на опыт государств «ближнего зарубежья» и полагая, что именно такой закон позволит «систематизировать весь имеющийся нормативный материал по технике правотворчества» (с. 471–472) и установить «ответственность за невыполнение или ненадлежащее выполнение требований правовых норм, установленных в данном законе» (с. 473). Однако для успешной реализации данного предложения, пользующегося широкой поддержкой у научной общественности, следует провести существенную подготовительную работу – поэлементный мониторинг всего современного общего и специального юрико-технического инструментария – средств (приемов), методов (способов), требований, правил и принципов.

В этой связи представляется, что изучение содержащегося в докладах форума материала о юрико-технических инструментах, краткий обзор которого представлен выше, должно способствовать систематизации общетеоретических и отраслевых юрико-технических знаний, осмыслению степени инновационности предлагаемых в науке и внедренных в законодательство юрико-технических нововведений. Выявляемые же рассогласования в общетеоретических и отраслевых подходах к определению базовых юрико-технических понятий свидетельствуют о необходимости продолжения междисциплинарных исследований в рассматриваемой сфере, которые должны стать основой для разработки многоуровневого и многоэлементного отраслевого юрико-технического инструментария.